

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ

2003

НАУКИ

3

ИСТОРИЯ НАРОДОВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2003 г. Л.Н. Дода

ИСТОРИКИ ПУШКИН И СУХОРУКОВ

*Светлой памяти Н.С. Коршикова,
донского историка и краеведа, посвящая*

Пушкин был послан нам Свыше для создания «солнечного средоточия нашей истории» (И. Ильин). Однако в художественной летописи России с ироническим названием «История села Горюхина» автор вместе с горюхинским летописцем недоумевал: «Но какую историю мог я написать, где бы не предупредили меня многоученые добросовестные мужи? Какой род истории не истощен уже ими?...» Своеобразным воплощением замысла написания именно «такого рода истории» стали «философические таблицы», позволившие поэту-историку «быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов»:

Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот дороги, верно,
У нас изменятся безмерно...
(Евгений Онегин, 7 гл., XXXIII)

Заметим, в черновой знаменитой онегинской строфе были разные варианты таблиц: Dupen сравнительные, полистатические, геостатические. Но Пушкин выбрал именно «философические», по-видимому, не без влияния книги Вольтера «Tableau philosophique...», которая имела в его библиотеке (№ 1495 по каталогу Б.Л. Модзалевского). Особо подчеркнем мысль о пророческом призвании поэта. «Я верую в пророчества пинтов», – речет мысль автора «Бориса Годунова» его герой. И вновь слышится нам спасительно-призывный голос Пушкина:

Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный восстал,
Россия! Встань и возвышайся.

Таким образом, можно осторожно предположить, что историк Пушкин подошел к философскому осмыслению истории [1]. Этому предшествовало и сопутствовало своеобразное художественное познание и осмысление исторического процесса и его движущих сил прежде всего в таких произведениях, как «Борис Годунов» (1825), «История Петра» (1827), «Полтава» (1828), «История села Горюхина» (1830), «Езерский» (1832), «История Пугачевского бунта» (1833) («мой первый исторический опыт», по признанию самого Пушкина). Такое осмысление проявилось и в некоторых его стихотворениях, например, «К вельможе» («и видишь оборот во всем кругообразный»), «Движение» («движенья нет, сказал мудрец брадатый»), в «философических и пророческих спорах» с Чаадаевым, Н. Полевым о «другой формуле для России», Гоголем о «неразрывной истории человечества, подобной кольцам в цепи». Тут же возника-

ет ассоциативная картинка с «котом ученым, ходящим по цепи кругом». Интересный факт: в черновом варианте пролога «У Лукоморья» был «кот ученый, не схожий ни с одним котом». Вот вам и философская сказка, поведенная странным котом. У Чаадаева в шестом «Философическом письме» Пушкин не мог не обратить внимания на замечание: «...разум века требует совсем новой философии истории и понимания всеобщего закона, управляющего движением веков». Это письмо Пушкин пытался издать в 1831 г. (факт примечательный в контексте дальнейшего обсуждения).

Историческая миссия донского историка В.Д. Сухорукова была не из легких. Проблема выбора «рода истории, нестощенного учеными мужами», перед ним не стояла. Хотя в 1814 – 1816 гг. директор училищ А.Г. Попов издал «Историю о Донском войске», которая, по справедливому замечанию Сухорукова, «не дает нам ни малейшей идеи ни о народе сем, ни об его области». Эта книга имела в библиотеке Пушкина (№ 305 по описанию Б.Л. Модзалевского). В рецензии [2] на «Историю ...» Броневского Сухоруков справедливо отмечал: «...История казаков имеет совсем иной цвет». Блестящее отражение этого «цвета» находим у нашего донского историка в его очерке [3], в котором нарисован ослепительный по красоте и тонкости наблюдений портрет женщины-казачки: «Хотите ли узнать наружность наших женщин? Представьте красавиц роскошной Азии, смешанные вместе черты черкешенок, турчанок, татарок, русских, и тогда получите общее понятие о красоте обитательниц Дона; пламенные черные глаза, щеки, полные свежей жизни, величайшая опрятность и чистота в одежде составляют собственность наших девушек» [3]. Напомним, именно эту работу Сухорукова, напечатанную в «Русской старине» за 1825 г., Пушкин просил прислать брата в михайловское заточение.

В ноябре 1822 г. состоялась двухчасовая беседа с Н.М. Карамзиным, на которой историки обсуждали вопросы казачества и дальнейшие планы. Основные разногласия проявились в вопросах происхождения казаков, их участия в народных движениях. И тем не менее эта встреча оказалась знаковой. Сухоруков с помощниками А. Кушнаревым, М. Кучеровым, В. Постновым достойно справились с поставленной задачей: составили «Историческое и статистическое описание земли Войска Донского» [4]. «Труд важный, – по от-

звучу Пушкина, – не только для России, но и для всего ученого света». Столь высокая оценка Пушкиным труда донских историков не случайна. Именно в казачестве, в «станицах-республиках», он предвидел многие черты грядущих перемен в России, воплотив их в метафорической формуле «там в ритме повторилась Русь». Воистину поверуешь в «пророчества пиитов», наблюдая современную Россию и Дон. А интерес Пушкина к казачеству известен [5] и проявился еще в первой поездке на Кавказ с Раевскими. «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков – теперь не скажу о них ни слова», – писал Пушкин брату в 1820 г. после возвращения с Кавказа. Не исключено, что материалы по казачеству с «замечаниями» Пушкина обнаружатся в одном из частных хранений на Дону. Проблески такой надежды уже появились. Неудивительно, что «сходство занятий» поэта Пушкина и донского историка Сухорукова так сблизило их в июне 1829 г. на Кавказе, что и было запечатлено Пушкиным в «Путешествии в Арзрум», напечатанном в апрельском номере «Современника» за 1836 г. Билет на получение журнала, а также письмо от 14 марта 1836 г. Пушкин передал через Ф. Шумкова, «милого молодого человека, от которого нередко получает известия» о Сухорукове [6]. Это письмо нашло опального донского историка на Кавказе, куда он был откомандирован в Донской полк в августе 1834 г.

Любой новый документ, проливающий свет на историю отношений Пушкина и Сухорукова, должен вызвать определенный интерес у историков, пушкинистов, биографов. Любопытные сведения из жизни Сухорукова мы обнаружили в его записной книжке. Ее оригинал для исследований любезно предоставила историк и краевед из Новочеркасска Л.А. Новак. Документ представляет сшив из пяти сохранившихся листков (шестой вырван) с записями Сухорукова орешковыми чернилами и частично карандашом. Датируется нами октябрём – ноябрём 1831 г. – последними месяцами пребывания Сухорукова по службе в Финляндии, в г. Або (ныне г. Турку). Анализ почерка, атрибутирование, персонификация проводились совместно с донским историком Н.С. Коршиковым. Вспоминается его беглый и внимательный взгляд на пожелтевшие от времени листочки и нескрываемое от волнения мгновенное заключение: «Почерк, характерное написание букв, манера изложения Сухорукова», датировать можно 1831 г., службой в Финляндии и возвратным путем на Дон. Для уверенности сравним с одной его рукописью [7]. Остальное доработает сам». Вот стиль настоящего профессионала-историка и учителя. Еще в феврале 2001 г. мы обсуждали материалы этой статьи, а третьего апреля Николай Семеновича не стало. Он был тонким знатоком донской старины, истинным патриотом Дона, чутким педагогом и наставником, воспитавшим не одно поколение историков в Ростовском государственном университете [8]. Завершение данной работы, интерес специалистов, будут благодарственной данью его светлой памяти.

Из пометок в записной книжке узнаем о планах поездки Сухорукова в Черкасск с 11 декабря 1831 г., – Петербург 19 – 20 ноября, Москву – не позже 26 ноября. Последовательность городов сохранена по сшиву, даты их посещения установлены нами. На обороте 3-го листка чернилами сделана пометка: «В Матросских Богадельнях», связанная с посещением Кронштадта; тут же карандашные пометки расходов на ямщиков и водку оным по дороге из Москвы до Новочеркасска. Например, до Тулы – 26 руб., на водку – 2.20, до Ельца – 26 руб., на водку – 1.60, до Воронежа – 17 руб., на водку – 1 руб., за подорожные – 20 руб. 94 коп., повозку – 40 руб.

О петербургских планах Сухорукова, которые, судя по зачеркнутым строкам, были выполнены, нам поведал 4-й листок со следующими записями:

Въ Петербурге

Купить духов. Посмотреть обон.
Английскую грамматику и лексикон.
Попросить Северную пчелу и Сына Отца.
Спросить у Гр. Ку медикаментов от холеры.
Спросить нельзя ли продать записки Фотия.
У Глазунова отдать билеты Павла Петровича, и выписать дорожный путеводитель для Авгу. Васильевича Эйхлера. 10 рублей от него получить.

Взять для... (Далее угол листа оторван)

Оборот листа «Въ Петербурге»

[ ] попросить, чтобы у Ильинского вырвал выписку из дела, если будет

сомнение о его жизни.

Петергоф

Купить лучшей столовой бумаги.

Купить губку для мытья.

Поговорить с Седовым о пересылке на Дон таратайки (написано карандашом)

Поклониться Дамышу.

Бальков Эрну (карандашом).

Размышляя над пометками петербургских планов Сухорукова, нам удалось реконструировать и восстановить некоторые события и эпизоды его жизни в 1829 – 1831 гг., а также высказать предположение о возможной встрече с Пушкиным в 20 числа ноября 1831 г. в Санкт-Петербурге.

Итак, 13 января 1830 г. после ареста в Тифлисе (не без «помощи» А. Чернышева), изъяты статьи для «Тифлиских ведомостей», рукописи «Исторического описания войны 1828 и 1829 гг.» и других бумаг Сухорукова «в тот же день отправили с фельдшером Дамышем в Новочеркасск... для употребления на Дону на службу» [9]. Фамилия Дамыша, которому опальный историк должен «поклониться и угостить бальками», упоминается в петербургском листке. Видимо, было за что его благодарить. О причинах ареста, интересных свидетельствах Ф. Шумкова и других фактах исчерпывающе изложено в статье Н.С. Коршикова [10]. На Дону Сухорукова ожидало предписание дежурного генерала Главного штаба А. Потапова от 24 декабря 1829 г., в котором атаману Д. Кутейникову приказывалось зачислить сотника В. Сухорукова «на службу в казачий полк, в Финляндии находящийся, тогчас же отправить его в оный с тем же фельд-

егерем, поручив командиру полка иметь его под бдительным секретным надзором и тотчас доносить, если что-нибудь будет замечено в поведении его или образе мыслей» [9]. Можно предположить, что последние указания строго выполнялись. А из письма Ф. Шумкова к А.А. Карасеву от 20 ноября 1873 г. узнаем такой трогательный эпизод, рассказанный Шумкову самим Сухоруковым: «Из Тифлиса фельдгегерь привез его [Сухорукова] в Новочеркасск и прямо представил атаману Кутейникову, который встретил его с распростертыми объятиями и поцелуями, кои у него обыкновенно делаются между приятелями, и следующим: «Ах, лобезнейший Василий Дмитрич, как я рад, что ты приехал, а то твоя старушка-мать все беспокоится о тебе. Иди же ты теперь домой повидаться с ней и живи себе, а я тебе пришлю после бумагу». И с тем вместе, обратившись к фельдгегерю, чтоб он получил из атаманской канцелярии квитанцию и особые бумаги, ехал в Петербург один. Недели через две Сухоруков получил приказ по Войску, где он переводится в полк Фомина, в Финляндии, куда и должен немедленно отправиться. Вот Вам и государственный преступник, переводившийся из одного полка в другой» [11].

С конца января 1830 г. Сухоруков служит в полку Фомина в Финляндии. «И там он приобрел отличное уважение всех, кто отличал ум и знание от невежества и вкрадчивости», – писал А.А. Карасев в своих записках [12] о донском историке. 29 августа 1831 г. Сухоруков подал прошение об отставке, которая не без помощи генерала И.Ф. Паскевича была удовлетворена. Выехать из Финляндии на Дон он смог лишь 16 ноября 1831 г. по причине эпидемии холеры в Петербурге, так как карантинные были сняты лишь в октябре. Видимо, в октябре – ноябре 1831 г. и были сделаны заметки-памятки в книжке. В столицу Василий Дмитриевич прибыл 19 ноября, о чем сообщали «Санкт-Петербургские ведомости». Попутно заметим, Пушкин в это время находился в столице. Он уехал в Москву 3 декабря и вернулся 27 декабря. Остановился Сухоруков на Казачьем подворье на 2 – 3 дня. Здесь и могла состояться встреча с Пушкиным, на которой он сообщил опальному донскому историку о печальной участи изъятых документов [13]. О том же Сухорукову поведал М.П. Погодин при встрече с ним в Москве, о чем свидетельствует его дневниковая запись от 26 ноября 1831 г.: «...рассказывал действия Пушкина для него» [14]. Погодин встречался с Пушкиным в Санкт-Петербурге 28 сентября и 28 октября 1831 г. Видимо, неслучайно при встречах разговор заходил о Сухорукове.

Но вернемся к петербургскому листку из книжки Сухорукова. Несомненный интерес вызывает пометка о «Северной пчеле» и «Сыне Отечества», издаваемых Н.И. Гречем и Ф. Булгаринным. С последним Сухоруков познакомился в марте 1824 г. через П.М. Строева. В редакции, конечно же, не откажут в просьбе подарить несколько интересующих его номеров. А таковыми могли быть № 153, 154 «Северной пчелы» от 23 и 24 декабря 1829 г. со статьей И. Радожицкого «Ответ на поправки г. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса». Та самая статья, которую А. Чернышев приложил к предписанию с приказом опечатать бумаги Сухорукова, отправить его на Дон и далее в

Финляндию. Как считал Чернышев, статья является доказательством непопозволительной деятельности Сухорукова в печатаемых им статьях о военных действиях Кавказского корпуса, «где он выходит на сцену своим лицом». Там же в редакции он мог узнать о последних литературных новостях и книжных новинках. А посетив книжную лавку И.И. Глазунова, что находится в Гостином дворе, выполнит просьбы Павла Петровича и А.В. Эйхлера (видимо, друзей по Финляндии, их личности не установлены). Фамилия Глазунова упоминается в листке. В лавке, возможно, подпишется на альманах «Северные цветы» на 1832 г., издаваемый после смерти Дельвига Пушкиным, обратит внимание на его новую книгу «Повести покойного И.П. Белкина», сборник «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». В сборнике напечатано знаменитое стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Не исключено, прочтет его стихотворение «Дон» в недавно вышедших (17 октября 1831 г.) прибавлениях к «Русскому инвалиду». Невольно нахлынут воспоминания о родном крае.

С «Записками Фотия», которые собирался приобрести Сухоруков, все ясно. Речь идет об архимандрите (с 1822 г.) Фотии, которого «ославил» Пушкин в своих эпиграммах за умение «тело в душу превращать», достойно оцененное гр. Орловой-Чесменской. О Фотии и его сочинениях имеется информация в словаре Брокгауза и Ефрона («Фотий», с. 397 – 398). Интересно, чем записки Фотия могли заинтересовать Сухорукова?

Пометка о «медикаментах от холеры» объяснима и вызвана опасениями за свое здоровье и близких на Дону. В 1830 – 1831 гг. в России свирепствовала эпидемия холеры. «Первая холера на Дону 1830 г. истребила в Области его 15250 душ обоюбого пола», – сообщалось в газетах того времени.

По прибытии в Новочеркасск 11 декабря 1831 г. Сухоруков встретился с бывшим атаманом А.В. Иловайским, друзьями-соратниками Шумковым, Кушнаревым, Кучеровым, Колесниковым (последний упоминается в Черкасском листке). Об этом было доложено Чернышеву. На первом листке, озаглавленном «В Черкасске», имеется запись: «Платовой отдать корень aqua roma. Справиться о Пейхлере в канцелярии. Прислать ему жеребца». Надо верить, эти пункты были выполнены. Лекарство предназначалось Наталье Алексеевне Платовой (ур. Машлыкниной) или ее свекрови Марии Степановне Платовой (ур. Кутейниковой, племяннице атамана). Этот факт может указывать на знакомство Сухорукова с потомками славных атаманов. Черкасские планы Сухоруков мог реализовать в 1832 – 1834 гг., будучи «на льготе». В августе 1834 г. он вновь откомандирован в Донской полк на Кавказскую линию. В 1836 г. в Пятигорске Василий Дмитриевич женился на О.В. Шевцовой, дочери статского советника, от которой имел трех дочерей. Там же его нашло письмо Пушкина [6], в котором он поздравляет с женитьбой и просит «прислать что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений». Опальному донскому историку было о чем рассказать и порадовать своего собрата по перу. Например, «Ответом Дона» гр. Ростопчиной Е.П., так нелестно написавшей о Доне.

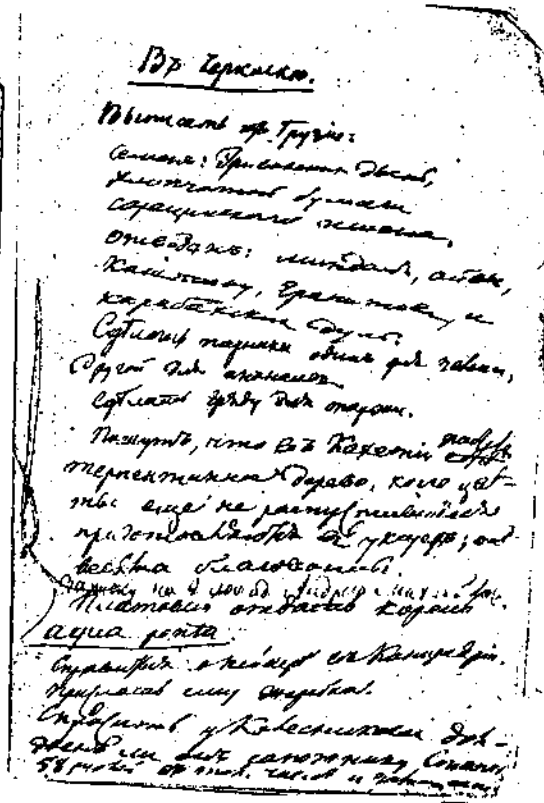
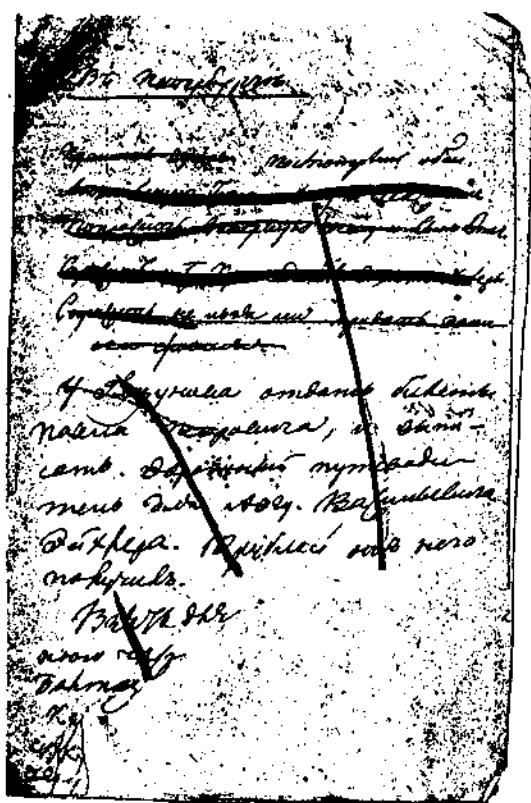
Были в сухоруковском «Ответе» и такие жгучие, близкие каждому донцу слова о Доне:

Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья
И вечность – летопись моя:
Я современник мирозданья!

Но Сухорукову было запрещено заниматься историческими исследованиями и публиковать свои произведения. Хотя не исключено, что все же некоторые материалы «Исторического описания...» могли быть переданы Пушкину не для печати через того же Ф. Шумкова. В августе 1839 г. в звании есаула Сухоруков возвратился в Новочеркасск. 14 апреля 1841 г. «вследствие прошения уволен от службы за выслужением лет без наград». Но одну награду он имел – орден Св. Анны 3-й степени. Умер Василий Дмитриевич 13 августа 1841 г. на 48-м году жизни.

Основной труд донского историка увидел свет лишь в 1867 г. (1-я часть «Историческое описание...») и 1872 г. (2-я часть «Статистическое описание...»), а обе части Статистический комитет Войска Донского издал в 1903 г. Рукописные копии «донской летописи» в разные годы имели хождение среди донской и столичной знати.

Благодаря стараниям и кропотливой исследовательской работе донских историков Н.С. Коршикова и В.Н. Королева сочинение В.Д. Сухорукова через журнал «Дон» в 90-е гг. пришло к современному читателю [15]. Подводя итог, отметим, что незатейливые сухоруковские записи, словно в голограмме, проявили нам целый исторический срез пушкинской эпохи, поставив тем самым множество вопросов. Их разрешению будут посвящены дальнейшие исследования историков, пушкинистов, биографов Сухорукова.

Литература

1. Дода Л.Н. Пленник Вечности. Философические опыты А.С. Пушкина // Наука и религия. 2000. № 9. С. 16–21.
2. Сухоруков В.Д. Рецензия на книгу Броневского «История Донского войска»: В 4 ч. СПб., 1834 // Донской вестник. 1867. № 27–29.
3. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XIX столетиях / Изд. газеты «Донская речь». Новочеркасск, 1892.
4. Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Дон. 1988. № 4. С. 143–149.

5. Линин А.М. Пушкин на Дону. Историко-литературный очерк. Ростов н/Д, 1949; Коршиков Н.С. «Лета в пыли на почтовых...» (о пребывании Пушкина на Дону) // Библиотечка ДАРА. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Ростов н/Д, 1997. С. 27–128.; Забурова Н.В. С берегов воинственного Дона (Казачество в поэтическом и историческом сознании Пушкина) // Там же. С. 157–197; Дода Л.Н. Донская тайна Пушкина. // Жизнь национальностей. 1999. № 2–3. С. 11–16; Он же. Исторические опыты Пушкина // Историческая газета. 2000. № 1 (48). С. 3, 10.
6. Пушкин А.С. // ПСС. Т. 16. С. 90.
7. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 2, л. 1.

8. Агафонов А.И. Историк и краевед Н.С. Коршиков (1935 – 2001 гг.). Штрихи к портрету ученого // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2001. № 3. С. 36–40.
9. РГВИА, ф.36, оп. 12, д. 15, л. 556; ф.330, оп. 2, д. 21, л. 6.
10. Коршиков Н.С. Еще раз о «Записке» А. С. Пушкина // Дон. 1987. № 6. С. 165–170.
11. НМИДК, ф. В. Сухорукова, п. VI, № 5, л. 2 об.
12. Карасев А.А. Сухоруков – донской казак // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 236–240.
13. ОР РГБ, ф.19/111, к. 21, д. 18/1, л. 3; ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, д. 1642, л. 5; Пушкин А.С. // ПСС. Т. 16. № 665.
14. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т.2. М., 1985. С. 33.
15. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского (Публикация и примечания Н.С. Коршикова и В.Н. Королева) // Дон. 1988. № 4–12; 1989. № 1–8, 10–12; 1990. № 1–12.

г. Краснознаменск

5 сентября 2001 г.

© 2003 г. В.А. Матвеев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Давно замечено – идеи как формируют, так и разрушают государства. При этом, как правило, созидательные выявляются из хода исторического развития, деструктивные – вырываются из его контекста. Именно такое развитие постепенно подвело Россию и Кавказ к необходимости единства. Это непростое геополитическое решение выработывалось целыми эпохами. Тем не менее и на рубеже XX – XXI вв. России пришлось столкнуться с драмой чеченских событий и в более широком контексте с изменением геополитического и цивилизационного равновесия на евразийском пространстве в ущерб своим стратегическим интересам. Ретроспективное изучение особенностей установления единства России и Кавказа диктуется в том числе тем, что в последние годы в этом крае происходили такие конфликты между народами, которые по количеству жертв и разрушений вполне сопоставимы с крупномасштабными войнами.

Необходимость проведения разностороннего комплексного исследования на этом направлении вызывается также тем, что на современном этапе намечалась реорганизация некоторых типов самосознаний, в том числе и российского. Разрушение их предполагает смену кодов цивилизационного и даже этнонационального развития, что приведет к исчезновению целых общностей, которые на каком-то этапе окончательно утратят способность противостоять насаждаемым цивилизационным ценностям Запада и Востока. Объектом же воздействия разрушительных идеологических технологий в этой связи является и российская история [1], от которой по-прежнему в немалой степени зависит судьба Отечества. Объективные научные познания о прошлом, как уже отмечалось в [2], способны сыграть немаловажную роль в достижении государственно-политической стабильности.

Сохраняется и отображение обстоятельств вхождения Кавказа в состав России под углом зрения завоевательной политики и борьбы за независимость горских народов. Такая монистическая интерпрета-

ция, как известно, насаждалась ранее в соответствии со сложившимися в исторической науке теоретическими стереотипами, но после дискредитации прежних идеологических конструкций, обеспечивавших целостность страны, ее все чаще стали целенаправленно использовать заинтересованные силы для подрыва позиций России на Кавказе. С такой же целью различные аспекты борьбы горцев за независимость, судя по всему, достаточно активно продолжают разрабатывать и ведущие научные центры Запада и Ближнего Востока.

Показательным в этом отношении является, например, Международный Шамилевский симпозиум, созданный в 1991 г. в Англии по инициативе Колледжа святого Антония Оксфордского университета и Центра азиатских исследований Лондонского университета. На нем были широко представлены специализирующиеся по проблеме школы не только Англии, но и США, Франции, Израиля, России, придерживающиеся соответствующей концептуальной ориентации. В дальнейшем, как заметил один из участников Г.Г. Гамзатов, «решения и рекомендации Оксфордской конференции послужили... основой для продолжения... разработок по шамилевской тематике и национально-освободительной борьбы кавказских горцев» [3].

А в 1992 г. в Анкаре при непосредственном содействии турецких официальных кругов был организован весьма представительный конгресс тюркологов, для участия в котором получили приглашения специалисты из российских автономий и бывших республик СССР. На этой встрече высказывалось среди прочих суждение и о том, что обширное тюркское сообщество Туран на Кавказе и в Средней Азии должно объединиться под руководством Турции. Для убедительности выдвигалось и историческое обоснование: Турция – традиционная «заступница горцев» [4, с. 200, 216]. Руководство ее выразило уверенность в том, что именно эта страна получит в XXI в. «прекрасную пер-